

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-4-19-35

Влияние обострения американо-китайских противоречий на евразийскую экономическую интеграцию

Е.И. Сафронова, В.С. Фроленков

Аннотация. В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с понятием международной экономической интеграции (МЭИ), реальным состоянием МЭИ в Евразии и АТР, направлениями американо-китайского соперничества, главным образом – торговыми трениями между двумя странами.

Анализируются причины вхождения Китая в соглашение по Всеобъемлющему региональному экономическому партнёрству (ВРЭП) и вероятное влияние последнего на международные позиции КНР и США в ближайшей перспективе. Авторы отмечают, что конфликт между Соединёнными Штатами и Китаем способен оказывать как тормозящее, так и стимулирующее воздействие на процессы интеграции в Евразии и во всём АТР. Для КНР положительное влияние конфликта проявляется в том, что он побуждает страну вплотную заняться собственной технологической независимостью. Американская политика отлучения Поднебесной от высоких знаний, с одной стороны, и выбор КНР нового курса на обособление от американского технологического «поля», с другой, ныне благоприятствуют становлению Китая как самодостаточного мирового технологического центра.

Отрицательное воздействие китайско-американского конфликта выражается в резком ограничении выгод стран от торговли, сокращении объёмов взаимного инвестирования и обмена знаниями и кадрами. Стороны, вступив на путь взаимного технологического обособления, сузят мировую технологическую конкуренцию, что замедлит общий технологический прогресс (но, возможно, «подстегнёт» экономический шпионаж). К тому же дальнейшее обострение китайско-американского торгового конфликта способно спровоцировать бегство капиталов с центральноазиатских и иных «восходящих» рынков, задействованных в цепочках китайско-американских экономических связей. В итоге пострадает региональное и даже общемировое экономическое развитие и, следовательно, международная экономическая интеграция. При этом американо-китайское противостояние и выход США из Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) мотивируют КНР взять в свои руки развёртывание интеграционного процесса в АТР (в частности, путём вхождения во ВРЭП).

Ключевые слова: Китай, США, Россия, Евразийский экономический союз, ВРЭП, МЭИ, торгово-экономический конфликт, международная интеграция.

Авторы: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Фроленков Виталий Сергеевич, кандидат экономических наук, старший государственный налоговый инспектор, ФНС России (адрес: 127381, Москва, ул. Неглинная, 23). E-mail: vital333@list.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сафронова Е.И., Фроленков В.С. Влияние обострения американо-китайских противоречий на евразийскую экономическую интеграцию // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 4. С. 19–35. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-4-19-35

The Impact of the Aggravation of the US-China Contradictions on the Eurasian Economic Integration

E.I. Safronova, V.S. Frolenkov

Abstract. The article discusses a number of issues related to the concept of “international economic integration” (IEI), the real status of IEI in Eurasia and the Asia-Pacific, directions of the US-Chinese rivalry and mainly – trade frictions between the two countries. The Reasons for China’s entry into the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and the probable impact of RCEP on the international positions of the PRC and the United States in the near future are also analyzed. The authors note that the conflict between the US and China is capable of exerting both an inhibitory and a stimulating effect on the integration processes in Eurasia, and throughout the AP as well. The positive impact of the conflict for the PRC is in the fact that the Celestial Empire has been impelled to seriously engage in its own technological independence. The American policy of excommunicating China from high knowledge, on the one hand, and deliberate separation of the PRC from the American technological “field” on the other, ultimately contribute to China’s emergence as a self-sufficient world technological center. China is no longer satisfied with the function of a “world factory”. The great power has set its sights on a new role.

The negative impact of the conflict on both the PRC and the United States is in the fact that it sharply limits trade benefits of the parties, reduces volume of mutual investment and the exchange of knowledge and personnel as well. The parties, having embarked on the path of mutual technological isolation, can inadvertently narrow down global technological competition, which will slow down overall technological progress (but will “spur” economic espionage). In addition, further exacerbation of the Sino-US trade conflict may lead to capital flight from Central Asian and other “emerging” markets involved in the chains of Sino-US economic relations. As a result, regional and even global economic development can suffer and, consequently, international economic integration can suffer as well. In general, the conflict and the US withdrawal from the Trans-Pacific Partnership (TPP) have prompted China to take control of the integration process in the AP (by joining the RCEP, in particular).

Keywords: China, USA, Russian, Eurasian Economic Union (EAEU), RCEP, IEI, trade and economic conflict, international integration.

Authors: *Elena I. Safronova*, PhD (Economics), Leading Research Fellow of the Center for the Studies and Forecasting of Russia-China Relations, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Vitaly S. Frolenkov, PhD (Economics), Senior State Tax Inspector, Federal Tax Service of Russia (address: 23, Neglinnaya str., Moscow, 127381, Russian Federation). E-mail: vital333@list.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Safronova E.I., Frolenkov V.S. Vliyanie obostreniya amerikano-kitayskih protivorechiy na evraziyskuyu ekonomicheskuyu integratsiyu [The Impact of the Aggravation of the US-China Contradictions on the Eurasian Economic Integration], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 19–35. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-4-19-35

Вводные положения

В широком дискурсе учёных-политологов, экономистов-международников, а также политиков и практиков-бизнесменов до сих пор по-разному трактуется понятие *международная экономическая интеграция* (МЭИ).

Теория международных экономических отношений (МЭО) определяет её как особый высокоуровневый процесс интернационализации производства, который приводит к сращиванию отдельных национальных экономик в единый хозяйственный комплекс благодаря формированию стабильных взаимосвязей и разделению труда между ними. От иных форм международного хозяйственного сотрудничества экономическую интеграцию отличают:

- беспрепятственное движение факторов производства (товаров, капиталов, рабочей силы) между странами-партнёрами;
- стандартизация национальных нормативов, правовых и технических условий;
- координация экономической политики стран-участниц;
- коллективное финансирование роста экономики и её инновационного компонента;
- формирование органов управления интеграцией не только на межгосударственном, но и надгосударственном уровне и ряд других. Выделяются следующие уровни интеграционного процесса: первый – зона свободной торговли (ЗСТ), второй – таможенный союз (ТС); третий – единый, или общий рынок (ОР); четвёртый – экономический союз (ЭС); пятый – экономический и валютный союз (ЭВС) [Фроленков: 136–138].

На зрелых стадиях (четвёртой и пятой) интеграционный процесс охватывает не только циркуляцию товаров, капиталов, информации, технологий, услуг, денежной массы и т.д. (поверхностная, или мягкая интеграция – *shallow integration*, присущая ЗСТ и ТС), но и производство (глубокая интеграция – *deep integration* – уровень ОР), а главное – сферу принятия решений (на уровне фирм, правительств, межгосударственных и наднациональных органов – ЭС, ЭВС) [Международная экономическая...: 12]. К настоящему времени из всех международных интеграционных структур только Европейский союз, который проявляет все признаки неустойчивости, достиг пятого уровня – экономического и валютного союза. Большинство других объединений находится на первой стадии развития – ЗСТ (например, NAFTA¹).

ЕАЭС, Китай и МЭИ

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе РФ, Республик Беларусь, Казахстан, Армения и Киргизской Республики позиционирует себя как явление третьего этапа МЭИ, что следует из самого его названия. На наш взгляд, это довольно условное обозначение, поскольку ЕАЭС не отвечает главному требованию интеграционного объединения третьего уровня – у него отсутствует унифицированное экономическое законодательство и единая социально-экономическая политика.

Входящие в него страны в процессе интеграции часто руководствуются лишь собственными интересами и технико-организационными нормативами и нередко

---

¹ North American Free Trade Agreement – в составе США, Канады и Мексики. Ныне имеет название NAFTA 2.0. или USMCA.

игнорируют решения Евразийской экономической комиссии – наднационального регулирующего органа ЕАЭС. Торговая конкуренция ведёт к тому, что его члены стремятся сохранить в своём ведении таможенное и нетаможенное регулирование внешней торговли даже с партнёрами по союзу, «придерживая» таким образом национальную административную ренту. В ст. 47 договора о ЕАЭС предусматривается возможность одностороннего введения мер нетарифного регулирования, но только в отношении стран, не входящих в союз, к тому же с разрешения Евразийской экономической комиссии². Такая практика стран-участниц нарушает принцип свободного движения товаров, предусмотренный режимом таможенного союза, общего рынка и тем более экономического союза [Сафронова: 158–159].

В свете вышесказанного не совсем ясно, что именно ЕАЭС понимает под международной экономической интеграцией. Складывается впечатление, что простая хозяйственная кооперация в сфере производства и распределения продолжает трактоваться союзом как МЭИ. Однако под международной кооперацией можно понимать движение к согласованию тех видов и циклов хозяйственной активности, которые имеют значение для всех акторов: оздоровление структуры торгово-экономического обмена, налаживание диалога по координации интересов сторон в энергетической сфере, развитие производственной кооперации в несырьевых отраслях, прежде всего в инфраструктурных, а также в обрабатывающей промышленности. Кооперация, будучи качественно более низкой формой межстранового экономического сотрудничества, не выводит ни на один из названных выше пяти уровней интеграционного процесса.

Тем не менее наблюдаются реальные шаги ЕАЭС по развитию интеграционных процессов в Евразии/АТР. Они выражаются в создании союзом зон свободной торговли (ЗСТ) – характерных черт первого этапа МЭИ – с другими странами и объединениями. Так, соответствующий договор был подписан с Вьетнамом³.

В мае 2018 г. в Астане (ныне Нур-Султан) было заключено временное соглашение о свободе торговли ЕАЭС с Ираном⁴. В октябре 2019 г. – соглашение с Сингапуром и Сербией⁵.

Особое место занимает Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве (СТЭС)⁶ между ЕАЭС и Китаем. СТЭС носит непреференциальный характер, т. е. не нацелено на двустороннее снижение таможенных пошлин. По этой причине соглашение не способствует формированию столь желаемой Китаем зоны свободной торговли с ЕАЭС. Документ содержит немало норм, отсылающих к положениям ВТО, и признает их главенство над положениями СТЭС, но при этом выступает значимым свидетельством стремления ЕАЭС и Китая

---

² Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп. вступ. в силу с 28.10.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/06fa1e8fcb23b853398c54c74f975f7841df2ba3/

³ ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам – черт кроется в мелочах. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zst-aeas-vietnam-chert-kroetsya-v-melochakh/> (дата обращения: 10.12.2021).

⁴ «Временное соглашение от 17 мая 2018 г., ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами – членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18bn0101/> (дата обращения: 08.12.2021).

⁵ «Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19bn0128/> (дата обращения: 08.12.2021).

⁶ Соглашение «О торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны». URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18bn0054/> (дата обращения: 08.12.2021).

к взаимной интеграции, которая, впрочем, до сих пор не налажена. Так, решительный отказ КНР поддержать хотя бы один из 40 транспортных проектов, предложенных ЕАЭС⁷, не благоприятствует интеграционному процессу. Видимо, решение Пекина можно объяснить первостепенным интересом к собственным начинаниям в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП), а также сомнениями в практическом воплощении проектов ЕАЭС. Складывается впечатление, что Китай более всего заинтересован в интеграции со странами, которые реализуют проекты без экономического участия России.

ВРЭП – новая попытка МЭИ и интересы Китая

Последним свидетельством стремления Пекина к экономической интеграции в рамках Евразии/АТР стало крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле с 14 странами Азии. На 37-м саммите АСЕАН (г. Ханой) 15 ноября 2020 г. было объявлено, что высшие должностные лица 15 стран, включая Китай, Японию, Южную Корею, Новую Зеландию, Австралию и 10 членов АСЕАН, после сложных переговоров, начавшихся в конце 2012 г., и напряжённых поисков компромиссов подписали соглашение о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства (ВРЭП) (*англ.* Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP)⁸. Речь идёт о формировании крупнейшего в мире блока свободной торговли, причём без участия не только России, но и США.

Очевидно, что одно из первых президентских решений Д. Трампа выйти из другого Азиатско-Тихоокеанского торгового пакта – Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) – ограничило возможность Америки формировать противовес растущему экономическому влиянию Китая в регионе. Этот шаг Вашингтона высвободил пространство для китайского интеграционного манёвра.

ВРЭП, который получит законную силу после ратификации его большинством стран-членов, по словам премьер-министра Вьетнама Нгуен Суан Фука, ускорит оздоровление экономики АТР.

Страны – участники торгового «пакта», население которых в совокупности насчитывает 2,2 млрд чел., а ВВП равняется 26,2 трлн долл., видят основными инструментами для укрепления своих экономик снижение таможенных тарифов и апгрейд цепочек поставок. Соглашение предусматривает совершенствование процедур таможенного администрирования, санитарных мер, движения капиталов и т.д.

Снижение пошлин должно охватить как минимум 92 % товаров, торгуемых странами-участницами. Документ также подразумевает упорядочение нетарифного регулирования и совершенствование таких областей, как онлайн-защита личной информации потребителей, прозрачность торговой активности и виртуальная коммерция. Он также предусматривает упрощение таможенных процедур при том, что порядка 65 % секторов услуг станут полностью открытыми для расширяющегося иностранного участия⁹.

---

⁷ Сридхар Виршини. Китай постепенно поглощает Центральную Азию? Поле столкновения: Казахстан в китайско-американской борьбе. URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/kitai-postepenno-pogloshaet-tsentralsnuyu-aziyu-pole-stolknoveniya-kazahstan-v-kitaisko-amerikanskoi-borbe-13245/#gsc.tab=0> (дата обращения: 22.11.2020).

⁸ Иногда на русский язык это название переводят как *Всестороннее* региональное экономическое партнёрство.

⁹ Крупнейшее торговое соглашение в мире подписали страны Азиатско-Тихоокеанского региона. URL: <https://pattayapeople.ru/news/torgovlja-asean-pattaya-thailand> (дата обращения: 22.11.2020).

В конце 2019 г. Индия неожиданно отказалась от вхождения во ВРЭП. Премьер-министр страны Нарендра Моди объяснил это опасением, что требования ВРЭП неблагоприятно скажутся на доходах простого индийского производителя и потребителя. Партнёры объявили, что при желании Индия сможет присоединиться к торговому пакту позже.

Некоторые государства – союзники США – уже заявили о своих надеждах на ВРЭП. Так, по мнению правительства Австралии, бизнес «зелёного континента» выиграет от «лучших экспортных возможностей» в рамках нового пакта ввиду усиления экспортных цепочек и «инвестиционной уверенности» в секторах финансовых услуг, образования, здравоохранения и машиностроения. Индонезия, Сингапур и Япония тоже отметили полезность ВРЭП как катализатора посткоронавирусного ренессанса¹⁰.

Ответ на вопрос о том, насколько ВРЭП изменит политико-экономическую динамику в АТР в пользу Китая, всё же сильно зависит от США. Пока не совсем ясно, как администрация Байдена воспримет ВРЭП и попытается ли вернуть Штаты в ТТП. В то же время агентство Reuters уже подчеркнуло, что формирование ВРЭП в любом случае укрепит хозяйственный потенциал Китая в АТР¹¹ и тот получит реальную возможность выстраивать торговые правила в регионе.

Примечательно, что соглашение предусматривает запрет требования на передачу технологий. Напомним, что сейчас Китай практикует завуалированное принуждение к технологическому трансферу. Есть повод поразмышлять над тем, сохранит ли он эту тактику в рамках партнёрства и как его действия в этом направлении отразятся на отношениях с членами ВРЭП.

Не следует исключать и того, что, «замиряясь» под сенью ВРЭП со своими региональными соперниками – Японией и Республикой Корея, Пекин задумывает привлечь их экономические возможности для восполнения товарных потерь, спровоцированных торговой войной с США.

Симптоматично, что ещё до заключения соглашения в течение первых 9 месяцев 2020 г., несмотря на пандемию COVID-19, Китай нарастил свои прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в странах АСЕАН на 76,6 % – до 10,72 млрд долл. При этом взаимный товарооборот 2010-2019 гг. возрос более чем в два раза – с 292,8 млрд до 641,5 млрд долл. Таким образом, АСЕАН стала крупнейшим торговым партнёром КНР. Второй по значению коммерческий контрагент Китая – Евросоюз (за 10 месяцев 2020 г. взаимный товарооборот составил 517,5 млрд долл.)¹².

Ясно, что создание ВРЭП объясняется не только экономико-интеграционными «аппетитами» КНР. Китай пытается если не полностью «сманить» союзников США по АТР, то по крайней мере нейтрализовать их явную (и взаимную) «симпатию» к Соединённым Штатам.

---

¹⁰ Чумак М. Страны АСЕАН создали крупнейшую в мире зону свободной торговли. URL: <https://live24.ru/v-mire/39228-strany-azii-sozdali-samyj-krupnyj-v-mire-torgovyj-sojuz.html> (дата обращения: 07.12.2021).

¹¹ Николаенко С. Азиатские страны подписали соглашение о свободной торговле. URL: <https://csn-tv.ru/posts/id10322-aziatskie-strany-podpisali-krupnoe-soglasenie-o-svobodnoi-torgovle> (дата обращения: 07.12.2021).

¹² Верескова М. Инвестиции Китая в страны АСЕАН выросли, несмотря на коронавирус. URL: <https://rueconomics.ru/478166-investicii-kitaya-v-strany-asean-vyrosli-nesmotrya-na-koronavirus> (дата обращения: 22.11.2021).

АСЕАН – особый интерес Пекина, поскольку страны ассоциации наиболее компетентны в вопросах эффективного экономического сотрудничества, к тому же они – близкие соседи КНР, а потому для Поднебесной крайне важно их дружественное отношение¹³.

США в свою очередь периодически требуют от союзников увеличения военных расходов «хотя бы до 2 % ВВП» в свете «новых угроз, в том числе исходящих от России и Китая»¹⁴. Возможно, близкие партнёры Штатов – Япония и Австралия предпочли самостоятельно определять свои военные затраты и оценивать риски, исходящие от КНР, войдя в практический контакт с ней «под сенью» ВРЭП.

Парадоксально, но согласие стран АСЕАН и других союзников США вступить вместе с КНР в соглашение по ВРЭП могло быть стимулировано давлением Белого дома на Пекин в контексте ситуации в Восточно- и Южно-Китайском морях (ВКМ и ЮКМ), где в территориальных спорах с КНР сошлись Япония, Бруней, Вьетнам, Малайзия и Филиппины (а также мятежная провинция материкового Китая – Тайвань).

Возможно, страны АСЕАН и Япония задумались о формировании общей платформы для разрешения названных территориальных проблем и увидели в партнёрстве канал оперативного общения с Китаем. С другой стороны, если конфронтация США и «оборонно мужающей» КНР будет нарастать, то страны ВРЭП окажутся между двух огней. Это углубит противоречия и обострит ситуацию в морях, тем более Пекин считает эти территории исторически китайскими¹⁵.

Видимо, доминантным аккордом в побуждении стран АТР объединиться с Китаем под эгидой ВРЭП стало сентябрьское (2020 г.) турне министра иностранных дел КНР Ван И по странам Юго-Восточной Азии. В Малайзии он призвал «сохранять бдительность» в отношении риска, порождённого политикой США, которая угрожает безопасности в Восточной Азии и ЮКМ. Китай утверждает, что США пытаются сформировать «Индо-Тихоокеанский НАТО», строя новую ось из Индии, Японии и Австралии и провоцируя конфронтацию между различными блоками. Отметим, что создание оборонного альянса AUKUS (акроним, образованный по названиям стран Australia, United Kingdom, United States) в сентябре 2021 г. стало реальным свидетельством милитаризации региона силами США и их союзников – Австралии и Великобритании. Пекин полагает, что Китай и члены АСЕАН должны действовать сообща, чтобы «устранить внешние попытки разрушения», поскольку они обладают «всеми возможностями и мудростью, а также ответственностью для поддержания мира и спокойствия в Южно-Китайском море»¹⁶.

Формированию ВРЭП, видимо, способствовало и то, что некоторые страны АТР даже выгадали от китайско-американской торговой войны. Это привело к увеличению их экспорта в США и Китай той продукции, которая была выведена из торгового оборота конфликтующих государств. Наибольшую прибыль получили Вьетнам и Малайзия. В Камбоджу, Мьянму

¹³ Половинин И. «Риск конфликта»: США и Китай делят союзников. Как противостояние Китая и США влияет на Азиатско-Тихоокеанский регион. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/07/29_a_13169443.shtml (дата обращения: 07.12.2021).

¹⁴ США – союзникам: Прокатиться зайцем к безопасности за наш счёт не получится. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/10/21/ssha-soyuznikam-prokatitsya-zaycem-k-bezopasnosti-za-nash-schet-ne-poluchitsya> (дата обращения: 07.12.2021).

¹⁵ См. мнение А.В. Ломанова в статье И. Половинина. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/07/29_a_13169443.shtml (дата обращения: 07.12.2021).

¹⁶ Mei Mei Chu, Liz Lee. China warns Asian countries to be vigilant on U.S. strategy. URL: <https://www.reuters.com/article/us-malaysia-china-wang-yi-idUSKBN26Y0KD> (accessed: 07.12.2021).

и Вьетнам из КНР было перенесено производство ряда технологических компаний США и некоторых других стран. Южная Корея выиграла от расширения экспорта электроники, Малайзия – полупроводников. По всей видимости, страны-участницы ВРЭП надеются на рост прибыли в связи с эффектом отклонения торговли, вызванным резким расширением ареала свободной коммерции¹⁷.

Китай, вступая в ВРЭП, вероятно, исходил также из того, что в рамках партнёрства будет проще реализовать ИПП, т.к. зоны свободной торговли на транспортных узлах нового Шёлкового пути, по мнению Пекина, ознаменуют реальный запуск китайского мегапроекта. Взаимодополнение и взаимопроникновение ВРЭП и ИПП может стать примером сопряжения экономических начинаний регионального и/или глобального значения.

Страны Центральной Азии и МЭИ

В стороне от соглашения остались страны Центральной Азии (ЦА). Они не были приглашены по формально уважительной причине – из-за отсутствия выхода к региональным морям. Есть и другие мотивы, в том числе малая результативность для ВРЭП от участия государств ЦА.

В качестве основополагающих предпосылок для МЭИ в теории МЭО называются близость уровней хозяйственного развития стран-участниц, длительные и устойчивые хозяйственные связи, экономическая комплементарность, сходство хозяйственных целевых установок, чётко осознанная на государственно-политическом уровне заинтересованность сторон в интегрировании, но главное – аналогичные социально-экономические модели развития [Фроленков: 137–138]. Из этого следует, что разрыв в уровне развития экономик целого ряда стран ЦА (пожалуй, за исключением Казахстана), тем более по сравнению с Китаем, Японией, Австралией и большинством стран АСЕАН, не благоприятствует здоровой, естественно вызревшей экономической интеграции в АТР.

У многих центральноазиатских элит к тому же нет истинного желания интегрироваться, ибо интеграция подразумевает прозрачность границ, внутренних политических и экономических режимов, а также делегирование ряда полномочий наднациональным управленческо-координационным структурам, что представляется им ущемлением суверенитета и независимости, недавно обретенных и потому особо ценных. У государств с преимущественно сырьевым экспортом объективно мало стимулов к полноценной интеграции, поскольку стремление извлечь быструю выгоду чаще всего перевешивает соображения перспективного планирования с присущим ему длительным периодом окупаемости инвестиций [Фроленков: 139].

В итоге в Центральной Азии интеграционные намерения зачастую ограничиваются консультациями, отдельными межгосударственными программами и пафосными официальными декларациями в рамках структур, членство в которых эти страны сочли полезным или неизбежным. Это можно наблюдать на примере членства стран ЦА в ЕАЭС.

Увеличение товарооборота стран ВРЭП с государствами ЦА на двусторонней основе вполне возможно, что, однако, не свидетельствует о формировании интеграционных отношений. Межстрановые торговые связи существовали много веков и никогда не имели

---

¹⁷ Китайско-американская торговая война – China-United States trade war. URL: [https://ru.qaz.wiki/wiki/China %E2 %80 %93United_States_trade_war](https://ru.qaz.wiki/wiki/China_%E2%80%93United_States_trade_war) (дата обращения: 07.12.2021).

достаточной «мощности» для сращивания хозяйственных комплексов стран-контрагентов и получения на этой базе качественно иного субъекта международных отношений.

Иными словами, существуют некоторые сегменты Азии, в которых вряд ли возможно констатировать влияние китайско-американских трений на интеграционный процесс, ибо в научно-теоретическом понимании он там отсутствует. Это всё равно, что «искать чёрную кошку в тёмной комнате при том, что кошки там нет». Целесообразнее поразмышлять о воздействии китайско-американского противостояния не на интеграционные, а кооперационные процессы в странах ЦА. Такой подход видится обоснованным ещё и потому, что и в ЕАЭС, и ШОС, и в рамках инициативы «Пояс и путь» до сих пор существует тенденция трактовать кооперационные достижения двустороннего уровня как свидетельство международной экономической интеграции. В то же время отличие МЭИ от международной кооперации принципиально: последняя, не в пример интеграции, не ведёт к сращиванию экономик стран-партнёров и управлению единым наднациональным органом.

Сегодня китайско-американское противостояние сказывается на ЦА таким образом, что Пекин, и без того не склонный прощать долги странам-партнёрам, из-за потерь от торговых трений с США и коронакризиса наверняка ужесточит позицию по кредитованию центральноазиатских стран и выплатам долгов платёжеспособными заёмщиками. Киргизия и Таджикистан, похоже, относятся к числу «безнадёжных» должников: на долю Китая приходится до 47 % внешнего долга Киргизии, накопившегося много лет по причине неплатёжеспособности КР. Это чревато тем, что Китай, как он это уже делает в других странах, может потребовать в счёт погашения задолженности часть госимущества или передачу ряда объектов под управление китайского партнёра. Большой долг Таджикистана Китаю усиливает переговорные позиции Пекина по строительству военных баз в этой стране (если эти переговоры действительно ведутся). Китай уже поставляет в ЦА системы ПВО, боевые катера, дроны и легкие бронемашины, другие устройства военного назначения. Это делается во многом для защиты собственных экономических, политических и, возможно, территориальных позиций КНР в регионе ЦА.

Кроме того, коронакризис вынуждает центральноазиатские страны просить помощи у Китая, России и США, что стимулирует соперничество держав в регионе. Снова в наилучшем положении оказывается КНР как главный торговый и инвестиционный контрагент практически всех стран ЦА, кроме Казахстана¹⁸.

США давно стремятся укрепить свои позиции в Центральной Азии, в постперестроечное время им это удавалось, пока Китай в середине 1990-х гг. самым решительным образом не «взялся» за регион. К концу 2010-х гг. он настолько прочно утвердился в экономической сфере ЦА, что для США там осталось немного места. В настоящее время «козырем» КНР в ЦА выступает материальная составляющая – экономическое сотрудничество во многих сферах: торговле, инвестиционной деятельности, кредитовании, строительстве инфраструктуры, промышленных объектов и т.д. На первый план ныне выдвигается сотрудничество в рамках реализации китайской инициативы «Пояс и путь».

---

¹⁸ Торговую войну США и Китая сочли «серьёзной проблемой» для экономики РФ. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/10/15/1868229.html> (дата обращения: 07.12.2021).

Тем не менее страны региона, в первую очередь Казахстан, стремятся вести многовекторную внешнюю политику, не отказывая в сотрудничестве ни США, ни ЕС, ни иным сторонам. Сейчас присутствие Запада в ЦА зиждется на пропаганде ценностно-идейных категорий современных МО. В феврале 2020 г. Казахстан посетил американский госсекретарь Майкл Помпео, который охотно оперировал такими понятиями, как независимость и суверенитет, защита прав этнических и религиозных меньшинств, развитие демократии, прав и свобод человека, борьба с терроризмом и пр. Для Казахстана политическая риторика имеет особый смысл, т.к. он видит себя лидером Центральной Азии и болезненно относится даже к намёку на игнорирование его дипломатических компетенций.

Красноречивы следующие выдержки из заявлений президента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева по итогам встреч с Помпео 2 февраля 2020 г. и Ван И 12 сентября 2020 г.: «Соединённые Штаты Америки являются первой страной, признавшей независимость Казахстана<...>. Между нашими странами весьма тесные отношения во многих сферах, включая нераспространение ядерного оружия, борьбу с международным терроризмом и экономическое сотрудничество <...>. Казахстанские производители обладают большим потенциалом для экспорта широкой номенклатуры сельхозпродукции в Китай, включая злаковые и масличные культуры». Это пример того, как на уровне официальных деклараций описываются нужные для Казахстана функции разных государств¹⁹.

Протекционизм США и проблемы МЭИ

Вступив в должность в 2016 г., президент США Д. Трамп решил ограничить принцип «открытой экономики», который длительное время стимулировал развитие межстрановой, трансрегиональной и глобальной торговли зачастую в ущерб внутреннему производителю – основному электорату Трампа. Так новый президент вознамерился выполнить свои предвыборные обещания и сделать Америку «вновь великой». Нельзя сказать, что Китай стал единственной мишенью протекционистской активности, называемой даже «торговой войной».

Первым шагом Д. Трампа в этом направлении стало решение покинуть Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), соглашение о создании коего было заключено Б. Обамой и высшими представителями ещё 11 стран. Спустя 10 дней после инаугурации Д. Трамп подписал документ о выходе США из партнёрства, не учитывая, что членство в ТТП могло расширить американское влияние на формирование новых режимов международной торговли²⁰.

Далее объектом давления США стало соглашение НАФТА (ныне – NAFTA 2.0, USMCA), в соответствии с которым 26 лет регулировался режим свободной торговли между США, Канадой и Мексикой. Трамп решил пересмотреть документ, поскольку, по его мнению, следование ему вело к увеличению отрицательного сальдо торгового баланса США

---

¹⁹ Сридхар Варшини. Китай постепенно поглощает Центральную Азию? Поле столкновения: Казахстан в китайско-американской борьбе. URL: <https://islam.kz/ru/news/v-mire/kitai-postepenno-pogloshaet-tsentrlnuyu-aziyu-pole-stolknoveniya-kazahstan-v-kitaisko-amerikanskoj-borbe-13245/#gsc.tab=0> (дата обращения: 22.11.2020).

²⁰ Однако остальные 11 стран продолжили деятельность по его формализации и разработали новый текст под названием Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве (ВПСТТП), которое и было подписано в марте 2018 г. в Чили. Можно сказать, что ВПСТТП явилось примером коллективной приверженности курса на свободную торговлю вразрез американской политике протекционизма.

со странами-партнёрами и потере более 25 % рабочих мест в промышленности. Так, если в первый год действия соглашения (1994) сальдо торгового американско-мексиканского баланса было почти нулевым, то в 2018 г. для США оно достигло отрицательной величины в 83 млрд долл. После трудных переговоров, благодаря уступчивости Канады и Мексики Штатам удалось изменить соглашение в свою пользу. Страны полностью, однако, не отказались от принципа свободы торговли. Новый документ получил название United States – Mexico – Canada (USMCA – по заглавным буквам названий стран-участниц в английском написании) и вступил в силу 1 июля 2020 г.²¹ Соглашение стимулирует внутреннее производство легковых и грузовых автомобилей, предусматривает совершенствование защиты интеллектуальной собственности, предоставляет США больший доступ к канадскому молочному рынку, вводит квоту на канадское и мексиканское автомобильное производство и увеличивает беспошлинный лимит для покупаемых канадцами в интернет-магазинах товаров и др.

Также в 2018 г. Д. Трамп нашёл, что США сильно зависят от импорта стали (25 %) и алюминия (10 %), обвинил иностранных металлопроизводителей (в Европе и Азии) в демпинге, наносящем ущерб американской металлургической промышленности. При решении этой проблемы Вашингтон применил избирательный подход, благоприятствуя поставщикам, готовым на уступки и не ущемляющим интересы местных американских производителей (речь идёт, например, о Южной Корее). «Досталось» и Европейскому союзу, отрицательное сальдо американской торговли с которым за 2009–2018 гг. увеличилось с 66 млрд до 179 млрд долл. США и ЕС обменялись взаимным повышением пошлин на наиболее чувствительные друг для друга виды товаров, что в итоге подстегнуло стороны к подписанию нового соглашения.

В американско-европейских торговых трениях не всё складывается мирно и ныне. С 18 октября 2019 г. США ввели новые пошлины в размере 10 % на воздушные суда и 25 % – на сельскохозяйственную и промышленную продукцию из ЕС как компенсацию за ущерб, нанесённый американским авиапроизводителям из-за стимулирования производства их конкурента – европейской компании Airbus. В этом случае стороны не достигли компромисса, и американцы настояли на своём²².

Китайское направление торговой войны США

Если руководствоваться сугубо экономической логикой, то понятно, почему основным вектором американского протекционизма стал Китай. К 2018 г. именно с ним у США наблюдался накопленный объём торгового дефицита, исчисляющийся беспрецедентными 443 млрд долл., что соответствует 46,8 % всего отрицательного сальдо американского товарооборота. Кроме того, Трампа очень раздражал рост технологического уровня КНР в немалой степени за счёт «заимствования» китайскими фирмами интеллектуальной собственности, что привело к началу соответствующих разбирательств в ВТО²³. К тому же американские и иные западные корпорации, привлечённые возможностями ёмкого

---

²¹ Школяр Н. Экономическая дипломатия: между протекционизмом и свободной торговлей. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskaya-diplomatiya-mezhdu-protseksionizmom-i-svobodnoy-torgovley/> (дата обращения: 22.11.2020).

²² Там же.

²³ Там же.

китайского рынка, сталкиваются с жёсткими ограничениями в получении доступа к бизнесу в КНР. Зачастую это объясняется стремлением китайской стороны вынудить компании передавать ей технологии (в форме создания совместных предприятий, либо путём локализации производства²⁴, либо другими методами). В итоге США тоже получили повод обвинить Китай в протекционизме²⁵.

Официально Белый дом выдвинул четыре основные претензии к Пекину. Во-первых, китайский запрет на 100-процентное участие иностранного капитала в ряде проектов, требование создания совместных предприятий, что является неявной формой принудительной передачи технологий. Во-вторых, дискриминационный режим регулирования интеллектуальной собственности, при котором американские компании вынуждены лицензировать технологии на условиях, выгодных китайскому партнёру. В-третьих, кибершпионаж, обеспечивающий китайской стороне несанкционированный доступ к коммерческой тайне. В-четвертых, агрессивный характер инвестирования, нацеленного на приобретение передовых технологий и интеллектуальной собственности путём слияний и поглощений²⁶.

Ответом Китая на претензии США стало снижение лимитов на капиталовложения конкурентов американских фирм в китайские ЗСТ. Однако Пекин согласился увеличить закупки продукции американского агрокомплекса, а США облегчили тарифное бремя для импорта из Китая²⁷.

В 2019 г. торговый конфликт всё же сместил КНР с первого места на третье среди контрагентов США (после Мексики и Канады). Американский импорт из Китая после введения пошлин упал на 12 %, а экспорт – на 19 %²⁸. Однако, по свидетельству агентства Bloomberg, это не стало роковым ударом для внешней торговли КНР: профицит ее торгового баланса с США вырос почти на четверть с начала президентства Трампа, превысив 300 млрд долл. в годовом исчислении. Сейчас Китай далёк от того, чтобы увеличить импорт из США до цифр, предусмотренных частичной сделкой (также называемой «фазой 1») по соглашению, призванному положить конец торговому конфликту²⁹.

Можно предположить, что в настоящий момент торговый конфликт находится в некоей точке бифуркации, когда стороны могут пойти по пути или смягчения, или же, наоборот, дальнейшего его обострения. Многое теперь зависит от политики нового президента США, которая пока не обрела чётких очертаний.

---

²⁴ Закрепление мощностей компании на территории другого государства. URL: <https://fb.ru/article/429671/lokalizatsiya-proizvodstva---eto-opredelenie-ponyatiya-plan-stepeni-i-urovni> (дата обращения: 22.11.2020).

²⁵ Зотин А. США и Китай: больше, чем торговая война. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/ssha-i-kitay-bolshe-chem-torgovaya-voyna/> (дата обращения: 22.11.2020).

²⁶ Матвеев К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tehnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/> (дата обращения: 07.12.2021).

²⁷ Школяр Н. Экономическая дипломатия: между протекционизмом и свободной торговлей. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskaya-diplomatiya-mezhdu-protseksionizmom-i-svobodnoy-torgovley/> (дата обращения: 22.11.2020).

²⁸ Братерский А. Китай и США на грани конфликта. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/kitaiy-i-ssha-na-grani-konflikta-20200505-12450/> (дата обращения: 01.12.2021).

²⁹ Browne A. Bloomberg New Economy: China is Winning the Trade War with Trump. URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2020-09-19/bloomberg-new-economy-china-is-winning-the-trade-war-with-trump?srnd=premium-europe> (accessed: 07.12.2021).

Особо болезненный аспект экономического противостояния США и Китая – сфера высоких технологий. США нанесли мощный удар по технологическому сектору КНР, введя ограничения на поставки оборудования и технологий китайским компаниям. Наиболее уязвимой сферой является производство полупроводниковых приборов – стержня любой технико-технологичной продукции. США обеспечивают половину китайских закупок этого товара. Сейчас КНР зависит больше от импорта полупроводников, чем от нефти. Существенная его доля – приборы, произведённые в США или же изготовленные по американским патентам. Этот факт ярко демонстрирует технологическую уязвимость Китая наряду с зависимостью от импорта углеводородов и доллара США как глобальной резервной и торговой валюты³⁰.

Введённые Вашингтоном ограничения обязывают американских продавцов полупроводниковых приборов получать экспортные лицензии, естественно, с оглядкой на «личность» покупателя.

Чтобы перекрыть КНР доступ к передовым американским технологиям, были привлечены и компетенции Комитета по иностранным инвестициям США (Committee for Foreign Investment in the US, CFIUS). Орган анализирует сделки, которые представляются рискованными с точки зрения государственной безопасности³¹.

Результатом ужесточения инвестиционной политики стало резкое сокращение китайских ПИИ в США. В 2018 г. они не достигли 5 млрд долл., а в ЕС остались на уровне более 20 млрд долл. С 2017 по 2018 гг. китайские инвестиции в Штаты снизились более чем на 80 %, что резко контрастирует с ослаблением капиталовложений в Европейский союз (всего на треть)³².

Кроме того, Бюро промышленности и безопасности США (Bureau of Industry and Security, BIS) ограничило экспорт в Китай ряда позиций из 14 сводных категорий стратегически важных технологий. В список вошли имеющие принципиальное значение для производственного планирования КНР технологии искусственного интеллекта, квантовых компьютеров и 3D-печать.

Технологическая сфера особенно тесно связана с проблемой экономической взаимозависимости Китая и США. Ограничение поставок полупроводников крайне затрудняет развитие Китаем собственной микроэлектроники, ещё больше повышая его зависимость от внешнего рынка. Китайские фирмы в высокотехнологичном производстве вынуждены опираться на многие компоненты и комплектующие иностранного производства³³.

Восполнить требуемые компоненты могли бы другие азиатские компании. Тут сразу встаёт вопрос о том, поможет ли КНР режим свободной торговли Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства оперативно получить нужный ассортимент

---

³⁰ Зотин А. США и Китай: больше, чем торговая война. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/ssha-i-kitay-bolshe-chem-torgovaya-voyna/> (дата обращения: 22.11.2020).

³¹ Матвеев К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/> (дата обращения: 07.12.2021).

³² Kirkegaard J.F. 19-12 Chinese Investments in the US and EU Are Declining – for Similar Reasons. URL: <https://www.piie.com/sites/default/files/documents/pb19-12.pdf> (accessed: 07.12.2021).

³³ Матвеев К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/> (дата обращения: 07.12.2021).

товаров, или же компании из АСЕАН по-прежнему будут опасаться подпасть под санкции США.

Несмотря на то, что с 2004 г. КНР — главный мировой экспортёр высокотехнологичной продукции³⁴, она тем не менее в подавляющем большинстве случаев ведёт сборку высокотехнологичных товаров, а прибыль от их конечной реализации поступает компаниям западных и развитых азиатских стран.

Что касается американской зависимости от КНР, то, по словам заместителя госсекретаря США по вопросам экономического роста Кейта Крача, американское правительство работает над её снижением не один год, но сейчас этот процесс ускорился. В КНР производится 70 % всей продаваемой в США обуви и 72 % мобильных телефонов. Американский фармацевтический рынок – один из самых зависимых от Китая. В США не производится ни один из девяти основных видов антибиотиков, включая пенициллин. Применяемые в Штатах антибиотики почти на 97 % китайского производства³⁵.

Китай стабильно присутствует в мировых производственных цепочках и является важнейшим рынком сбыта. Американские транснациональные компании активно работают на китайском рынке – 57 компаний из S&P 500³⁶ получают более 10 % прибыли от продаж в Китае. Например, на долю КНР приходится 20 % продаж Apple и 60 % Qualcomm³⁷.

Чтобы снизить зависимость от китайской промышленности и воспрепятствовать нарушению американских авторских прав, Д. Трамп активизировал политику переноса производственных объектов из Китая обратно в США (решоринг) или в иные страны (например, Вьетнам). Это в свою очередь ведёт к сокращению двусторонних инвестиций в сферу, связанную с технологиями и научно-исследовательской деятельностью. Так, можно говорить о начале не только торговой, но и технологической войны между странами³⁸.

Способ устранения зависимости американских фирм от китайской промышленности США видят и в разрыве двусторонних производственных цепочек. Для этого практикуется повышение американских импортных тарифов на комплектующие, изготовленные в Китае. Такие барьеры могут побудить производителей перенести производство в другие страны, не находящиеся под санкциями США, или туда, где потребуются меньшие издержки.

Вашингтон последовательно вводит торговые ограничения на продукцию и деятельность китайских высокотехнологичных компаний. Среди них Chengdu Haiguang Integrated Circuit, Chengdu Haiguang Microelectronics Technology, Huawei Co., Sugon, Wuxi Jiangnan Institute of Computing Technology (поставщик микропроцессоров для китайского суперкомпьютера Sunway TaihuLight – третьего в текущем списке топ-500 суперкомпьютеров мира). Теперь они не смогут покупать американские комплектующие³⁹.

---

³⁴ Например, в 2017 г. стоимость высокотехнологичного экспорта Китая составила 654 млрд долл. Это в 3 раза превышает показатель второго по значению мирового экспортёра – Германии [Матвеев К.].

³⁵ Братерский А. Китай и США на грани конфликта. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/kitaiy-i-ssha-na-grani-konflikta-20200505-12450/> (дата обращения: 01.12.2021).

³⁶ S&P 500 – фондовый индекс, в корзину которого включено 505 важнейших торгуемых на фондовых биржах США компаний, имеющих наибольшую капитализацию.

³⁷ Матвеев К. На грани развода. Куда приведет технологическая война между Китаем и США? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/na-grani-razvoda-kuda-privedet-tekhnologicheskaya-voyna-mezhdu-kitaem-i-ssha/> (дата обращения: 07.12.2021).

³⁸ Там же.

³⁹ Зотин А. США и Китай: больше, чем торговая война. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/ssha-i-kitay-bolshe-chem-torgovaya-voyna/> (дата обращения: 22.11.2020).

Для Китая торговый конфликт с США также обострил проблему его технологической зависимости от других стран.

Октябрьский (2020 г.) пленум ЦК КПК завершил пятое пленарное заседание публикацией целей 14-го Пятилетнего плана развития КНР (2021–2025 гг.). Было подчеркнуто, что КНР отходит от концепции «мировой фабрики» и отдаёт приоритет развитию внутреннего рынка. Эта стратегия получила название «двойной циркуляции». Её задача – способствовать превращению КНР в продуцента и мирового поставщика передовых технологий и инноваций. Си Цзиньпин в разъяснениях новой стратегии отметил, что «новая архитектура развития ни в коем случае не подразумевает замкнутую внутреннюю циркуляцию, а, наоборот, означает открытую двойную циркуляцию с участием как внутреннего, так и внешнего рынков»⁴⁰.

14-я пятилетка будет сосредоточена на достижении технологической независимости Китая. Нет оснований сомневаться в том, что на этом пути целеустремлённая КНР достигнет успеха. Пока же Китай активно наращивает капиталовложения в сферу высоких знаний и технологических инноваций. Можно констатировать, что именно торговый конфликт с США стимулировал его переход на рельсы технологической «опоры на собственные силы», но с использованием возможностей, предоставляемых внешним рынком и международным сотрудничеством.

Выводы

Как и любое диалектическое явление, торгово-экономические противоречия между США и Китаем способны оказывать как тормозящее, так и стимулирующее воздействие на процессы интеграции в Евразии и АТР.

Рестрикции в виде протекционистских мер (повышение тарифов, торговые санкции, контроль за капиталовложениями, номенклатурой и стоимостью экспорта), а также ограничение и жёсткий контроль передачи технологий и ноу-хау – всё это было инициировано администрацией Д. Трампа для того, чтобы, во-первых, уменьшить дефицит торгового баланса США с Китаем; во-вторых, воспрепятствовать высокотехнологичному перевооружению экономики КНР; в-третьих, снизить степень зависимости американской промышленности от китайской компоненты и в итоге подточить силы КНР как стратегического соперника США на мировой арене.

Состояние торговой войны между ближайшими контрагентами не может не нанести ущерб уровню их производства, а, значит, и интеграции между ними (если она существует) и/или с другими сторонами.

Согласно теории МЭО, для реальной интеграции необходим ряд условий, а именно, стабильная производительная база сотрудничества сторон, сходные модели их социально-экономического развития, близкие уровни производительных сил и др.

Назвать интеграцией экономическое взаимодействие США и Китая, по всей видимости, нельзя, т.к. в политическом смысле стороны и не ставили перед собой такую задачу, а в экономическом не достигли даже первой стадии МЭИ – создания зоны свободной

---

⁴⁰ Си Цзиньпин разъяснил рекомендации ЦК КПК относительно разработки нового пятилетнего плана. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1104/c31521-9776178.html> (дата обращения: 23.11.2021).

торговли. Вот почему торговый конфликт больше скажется на их интеграции с другими государствами, например, с их партнёрами по ЗСТ.

КНР вступила в уникальное соглашение о режиме свободной торговли с 14 странами АТР 15 ноября 2020 г. Его уникальность – не столько в масштабах, сколько в том, что этот «пакт» под кровом общих интересов впервые объединил Китай с Японией, Австралией, Новой Зеландией и Республикой Корея – важными союзниками США. Возможно, КНР вступит с некоторыми из них в интеграционное взаимодействие скорее, чем со своими главными партнёрами в Европе и Новом свете.

Вероятно, создание ВРЭП замедлит создание ЗСТ «ЕАЭС-Китай» и притормозит достижение реальных успехов ЗСТ «ЕАЭС-Вьетнам», «ЕАЭС-Сингапур», поскольку отвлечёт внимание Китая и его контрагентов на работу в новом региональном «пакте».

Что касается США, то отказавшись в 2016 г. от участия в созданном по их же инициативе Транстихоокеанском партнёрстве, они сами резко ограничили своё экономическое влияние в АТР. Формирование же ВРЭП может ещё больше ослабить позиции Вашингтона в регионе, к тому же «под приглядом» Пекина. Можно сказать, что от членства во ВРЭП (которое можно обоснованно назвать интеграционным объединением первичного уровня) наибольший геополитический выигрыш получит Китай, оставив США за бортиком «игрального стола» и сделав ещё один шаг к своему безусловному мировому лидерству. Понимая это, в Белом доме ищут решение в создании новых альянсов, необязательно экономических, и AUKUS – пример этого.

Положительное для КНР влияние американско-китайского конфликта проявляется в том, что Поднебесная, ограниченная в необходимом ей доступе к важнейшим технологическим достижениям, серьёзно занялась вопросом собственной технологической независимости.

Страна неплохо использовала возможности глобализации, продавая свою продукцию по всему миру, но как только глобализация «по-американски» стала обстоятельством, выветившим технологическое отставание КНР, китайское руководство задумалось о возвращении политики «самообеспечения», но уже на новом витке диалектической спирали. Специфика текущего момента такова, что реалии американско-китайского противостояния, возможно, побудят Пекин переакцентировать его отношение к глобализации, более высоко оценить преимущества регионализации, особенно в АТР, или же активно продвигать собственный подход к глобализации согласно своим интересам и принципам.

Отрицательное же воздействие конфликта как на КНР, так и США проявляется в том, что он резко ограничивает выгоды сторон от торговли, сокращает объёмы взаимного инвестирования, обмена знаниями и кадрами. Это противостояние кроме всего прочего снижает мировую технологическую конкуренцию, что замедлит общий технологический прогресс, и может привести к бегству капиталов с центральноазиатских и иных «восходящих» рынков, задействованных в цепочках китайско-американских экономических отношений.

Если в этих условиях Россия ступит на путь тесной *кооперации* с КНР в технологической сфере, то рано или поздно это подготовит почву для более зрелой стадии международно-экономического взаимодействия двух стран, а именно для *интеграции* в сфере высоких знаний. Будет ли у сторон интерес к этому или они сочтут взаимодействие малоперспективным или небезопасным для их технологической независимости, покажет время.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Международная экономическая интеграция / под ред. Н.Н. Ливенцева. М.: Экономистъ, 2006. 430 с.

Сафронова Е.И. Страны – участницы ШОС в Евразийском экономическом союзе: специфика «перекрестного» членства // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XXII. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 154–171.

Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М.: ИДВ РАН, 2009. 264 с.

REFERENCES

Frolenkov V.S. (2009). Sovremennye torгово-ekonomicheskie otnosheniya KNR s central'noaziatskimi stranami-chlenami ShOS i Turkmenistanom [Modern trade and economic relations of the PRC with the Central Asian countries-members of the SCO and Turkmenistan]. Moscow: IDV RAN [IFES RAS], 264 p. (In Russian).

Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integraciya [International Economic Integration], ed. by N.N. Liventsev. Moscow: Economist, 2006, 430 p. (In Russian).

Safronova E.I. (2017). Strany – uchastnicy ShOS v Evraziyskom ekonomicheskom soyuze: specifika “perekrestnogo” chlenstva [SCO member countries in the Eurasian Economic Union: the specifics of the “cross” membership], Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity], issue XXII. Moscow: IDV RAN [IFES RAS]: 154–171. (In Russian).